

Марина КРАСИЛЬНИКОВА

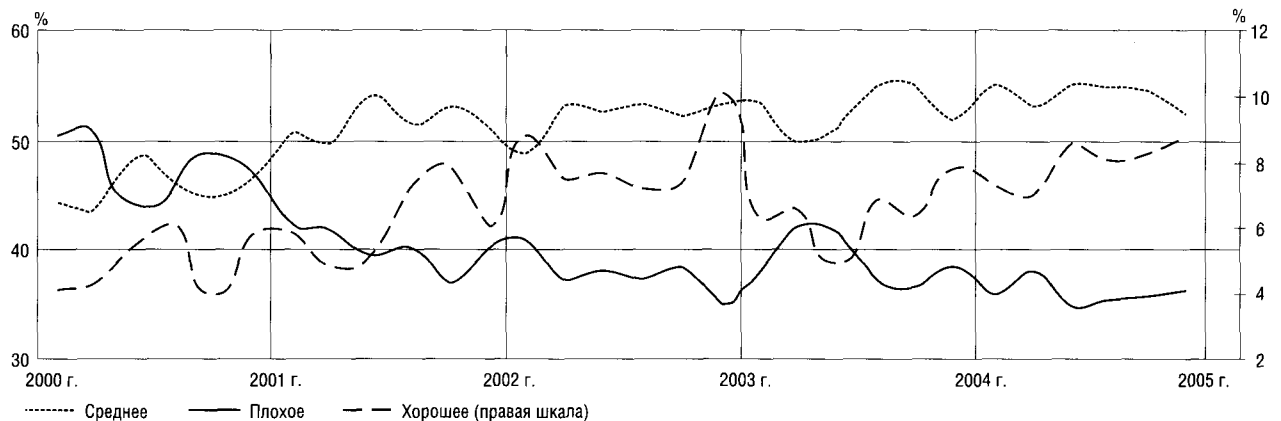
Доходы и потребление в **условиях** экономического роста

В истекшем 2004 г. продолжились тенденции динамики доходов и потребления населения России, которые сложились в последнее пятилетие экономического роста. Беспрецедентно высокие темпы роста личных доходов и потребления являются непреложным фактом последних лет, несмотря на широко обсуждаемые, особенно в последние полгода, количественные параметры роста, причины снижения их темпов, а также возможности развития негативных сценариев. Основным фактором, определяющим динамику личных доходов и потребления населения в последние годы, остается рост заработной платы и пенсий, являющихся единственным источни-

ком доходов для большей части жителей страны. Рост реальных денежных доходов населения и снижающиеся темпы инфляции привели к дальнейшему расширению потребительского спроса.

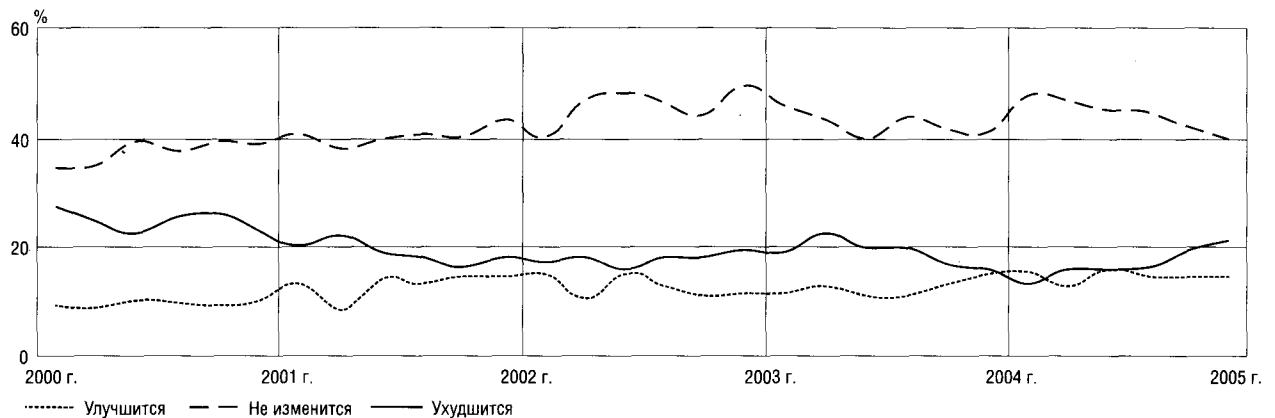
Описанные благоприятные тенденции нашли свое выражение и в субъективных оценках населения. Высокий уровень субъективных оценок текущего материального положения в 2004 г. не был серьезно поколеблен даже тревожными ожиданиями, связанными с реформой по монетизации льгот. На самом высоком уровне за последние десять лет остаются оценки текущего материального благосостояния семей, ожидания его изменения в ближайший год (рис. 1 и 2).

Рисунок 1
ОЦЕНКИ ТЕКУЩЕГО МАТЕРИАЛЬНОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ СЕМЕЙ*

* По данным Мониторинга

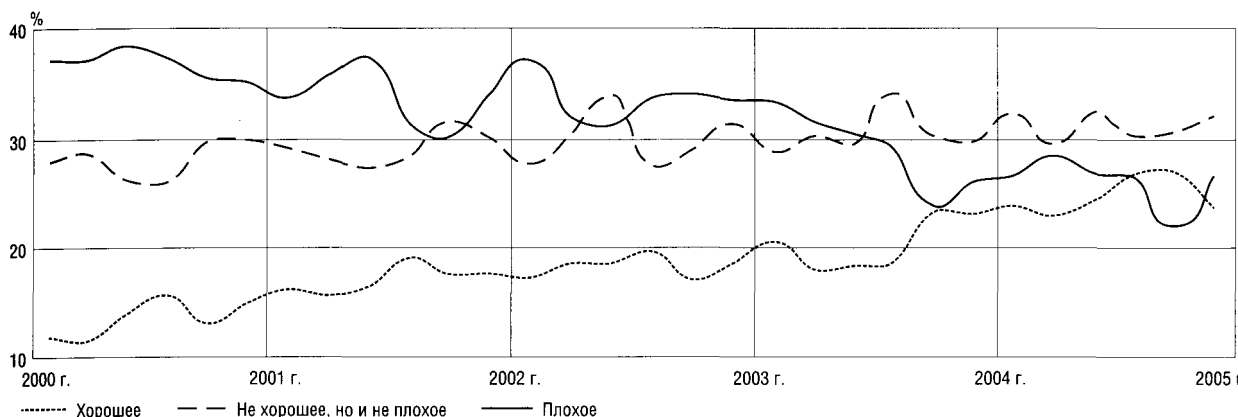
Рисунок 2
ОЖИДАНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕДСТОЯЩИЙ ГОД*

* По данным Мониторинга

Рисунок 3

ДИНАМИКА РАСПРЕДЕЛЕНИЙ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: "КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СЕЙЧАС В ЦЕЛОМ ХОРОШЕЕ ИЛИ ПЛОХОЕ ВРЕМЯ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ДЕЛАТЬ КРУПНЫЕ ПОКУПКИ ДЛЯ ДОМА (НАПРИМЕР, МЕБЕЛЬ, БЫТОВАЯ ЭЛЕКТРОНИКА И Т.П.)?"**

* По данным Мониторинга

В 2004 г. впервые за весь период наблюдений, которые ведутся с 1993 г., индексы, измеряющие представления населения о ситуации на потребительском рынке, перешли в положительную область значений (рис. 3). Летом—осенью 2004 г. доля опрошенных, полагающих, что сейчас хорошее время для совершения крупных покупок для дома, превысила долю пессимистов, т.е. тех, кто оценивает текущий период как неподходящий для того, чтобы тратить деньги на приобретение товаров длительного пользования. Учитывая низкую покупательную способность населения, такой расклад мнений казался совершенно невероятным еще несколько лет назад.

Этот робкий шаг в сторону "общества потребления" имеет не только положительный смысл, связанный с ростом личных денежных доходов, расширения потребительского спроса и развитием торговли товарами и услугами для населения. Согласие большей части населения с тем, что "сейчас самое время тратить деньги на личные нужды", мотивировано еще и нарастающим ощущением неустойчивости текущей социально-экономической ситуации, до сих пор, впрочем, вполне благоприятной.

Темпы роста субъективных оценок населения своего материального положения постепенно снижаются. Несмотря на продолжающееся фактическое повышение личных денежных доходов, по данным Росстата РФ, уже второй год улучшение субъективных оценок остается крайне незначительным. И в отличие от предыдущего года, в 2004 г. массовые ожидания на будущее (относительно изменений в личном материальном положении) стали постепенно ухудшаться.

Такая динамика связана не только с коррекцией завышенных перед президентскими выборами ожиданий — этот фактор не оказывает столь длительного влияния. Очевидно, тревожную сдержанность придает населению весь тот личный опыт обыденной жизни, оценки ситуации на работе, в тех городах, поселках и селах, где они живут, а также общенациональные события (речь идет в первую очередь о серии террористических актов).

Кроме того, настороженность населения относительно устойчивости текущих сравнительно благополучных социально-экономических условий подтверждает динамика оценок целесообразности накопления личных сбережений. 2004 г. отмечен рядом перемен на рынке личных сбережений. Снижение курса американского доллара, призраки банковского кризиса (беспокоившие страну летом), укрепление нового для России сберегательного инструмента — европейской единой валюты евро — все эти события внесли сумятицу и в без того неопределенную ситуацию на рынке личных сбережений. В итоге индекс, отражающий оценки населением целесообразности личных сбережений, практически не изменился в 2004 г., несмотря на то, что возросла доля тех, для кого эта проблемы актуальна (тех, у кого есть материальные условия для накопления сбережений).

Наряду с благоприятными оценками уровня и динамики благосостояния, в 2004 г. происходило заметное ухудшение общественных настроений. Оценки населением социально-политической ситуации в стране снижались, особенно начиная со второй половины 2004 г. Это выразилось в падении оценок деятельности правитель-

ства, рейтинга президента, нарастании скептицизма по поводу будущего политического и экономического положения в стране, роста доли тех, кто не поддерживает курс на дальнейшее продолжение реформ. В наиболее концентрированном виде, учитывающем совокупное воздействие многих разных факторов, эти тенденции выражены в динамике индекса социальных настроений (ИСН) (см. рис. 9 на с. 7 в этом номере).

Такая разнонаправленность изменений субъективных оценок населения, как представляется, не может быть объяснена только фактическим ростом личных доходов, относительно невысоким уровнем инфляции (по крайней мере, не превышающей уровень 2003 г.), благоприятной ситуацией в розничной торговле — растущим предложением товаров и услуг, быстрым развитием потребительского кредита, относительным снижением цен на некоторые виды товаров и услуг.

Очевидно, что те или иные субъективные оценки складываются под влиянием двух основных составляющих — фактического положения дел и сформированного на текущий момент уровня ожиданий (не ожиданий на будущее, а представлений о том, как "должно быть", т.е. сформировавшимся уровнем запросов).

Субъективные оценки материального благосостояния, уровня жизни населения — это синтез а) фактически достигнутого уровня денежных доходов, которые позволили обеспечить текущий уровень потребления товаров и услуг, уровень благосостояния, и б) сформировавшихся представлений о желаемом уровне достатка, "нормальном", с точки зрения людей, уровне доходов и потребления, на который реально возможно претендовать в сложившихся социально-экономических условиях. Субъективные оценки благосостояния, которые население высказывает в ходе массовых опросов, это вербально выраженное соотношение между текущим потреблением и сформировавшимися запросами, потребностями населения.

Отсюда следует, что динамика субъективных оценок не обязательно совпадает с изменением фактического уровня благосостояния (доходов и потребления населения). Например, фактическое улучшение материального положения может сопровождаться еще более быстрым ростом потребностей, и тогда субъективные оценки благосостояния могут не улучшаться (или даже ухудшаться) на фоне роста объективных показателей динамики уровня жизни. Соответственно, может происходить и обратное. Субъективные оценки могут не снижаться в условиях ухудшения фактической ситуации в сфере доходов и потребления населения.

Разумеется, все эти расхождения в динамике субъективных оценок и фактического изменения доходов и потребления весьма ограничены, т.е. не могут иметь долговременный характер и быть значительными по размеру. Это непосредственно следует из того, что формирование потребностей идет прежде всего на основе фактического, "объективного" положения дел, и значимые изменения в фактическом потреблении неизбежно вызывают соответствующее "подстраивание", корректировку потребностей.

В рамках программы Мониторинга социально-экономических перемен, проводимого в Левада-Центре (ранее, с 1993 г., — во ВЦИОМ), регулярно задается серия вопросов, в которых респондентов просят оценить (количественно — j в рублях на члена семьи в месяц) различные нормативные уровни потребления. При этом выделяются четыре таких уровня дохода: 1) ниже которого начинается бедность; 2) обеспечивающий прожиточный минимум; 3) при котором семья респондента могла бы считать, что живет нормально; 4) при котором семью можно было бы назвать богатой. Эти четыре показателя, как представляется, образуют непрерывно возрастающую шкалу¹, позволяющую количественно измерять структуру представлений населения о характере и степени дифференциации доходов и потребления в обществе. Однако поскольку ответы респондентов в массовых социологических опросах отражают субъективные представления населения, к обсуждаемым здесь оценкам нельзя относиться так же, как к принятым в экономическом анализе показателям дифференциации денежных доходов (коэффициентам фондов, Джини).

Количественные оценки доходов бедности, богатства и другие отражают в первую очередь представления о том, какой уровень потребления, в глазах населения, соотносится сейчас с этим понятием. Это означает, что рассматриваемые количественные оценки нормативных уровней потребления формируются не только с учетом представлений о различиях денежных доходов в обществе, но и зависят от того, какой уровень потребления могут обеспечить эти доходы, как именно сформирована потребность в качественно ином уровне потребления, удовлетворение каких именно потребностей включается в различные нормативные уровни — бедность, норма, богатство. Это, следовательно, оз-

¹ Это подтверждается результатами многолетних наблюдений: количественные оценки дохода бедных всегда ниже прожиточного минимума, за которым по возрастающей следуют оценки нормального дохода и богатства.

начает, что изменения в уровне дифференциации фактических денежных доходов населения не обязательно будут прямо пропорционально отражаться в изменении количественных оценок уровней бедности, богатства и т.п. Например, если рост денежных доходов населения не сопровождается ростом потребностей, то динамика количественных оценок нормативных уровней потребления, особенно динамика соотношения этих оценок, может и не быть положительной.

Для исследования *структуры* представлений населения о нормативных уровнях доходов предлагается перейти от собственно количественных оценок различных уровней доходов, которые респонденты дали в ходе интервью, к анализу изменений в соотношении этих оценок. При этом по индивидуальному ответам респондентов строятся новые показатели, которых нет в анкете, являющиеся соотношением оценок различных нормативных уровней. Например, рассчитывается показатель, отражающий представление респондента о разрыве между богатством и бедностью (Б-Б) — количественная оценка уровня богатства, данная респондентом, делится на его же оценку уровня дохода, ниже которого семью следует считать бедной. Так же рассчитываются другие новые показатели: разрыв между прожиточным минимумом и бедностью обозначим как (М-Б), между "нормальным" доходом и бедностью (Н-Б), между богатством и "нормальным" доходом (Б-Н). Динамика этих вновь построенных показателей представлена в таблице 1. Данные приводятся только начиная с 1996 г., когда впервые стали регулярно задаваться респондентам все рассматриваемые вопросы.

Как видно, начиная с середины 1990-х годов произошли заметные изменения в структуре представлений населения о нормативных уровнях денежных доходов семей. Напомним, что, согласно данным Росстата РФ, уровень дифференциации личных денежных доходов в этот период менялся незначительно. Только в последние два года произошел незначительный рост коэффициента фондов — он увеличился примерно с 14 раз (уровень середины 1990-х годов) до примерно 15 раз.

Наиболее важная и устойчивая тенденция, проявившаяся в рассматриваемый период — сокращение разрыва между представлениями населения о величине "нормального" дохода, прожиточного минимума, с одной стороны, и границы бедности — с другой. Важность этой тенденции определяется тем, что именно нормативные представления населения о бедности, прожиточном минимуме, нормальном доходе

Таблица 1
**СРЕДНЕГОДОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ СООТНОШЕНИЙ
РАЗЛИЧНЫХ НОРМАТИВНЫХ УРОВНЕЙ ДОХОДА**
(число раз)

Год	Б-Б (богатство/ бедность)	М-Б (прожиточный минимум/ бедность)	Н-Б (нормальный доход/ бедность)
1996	21,9	3,1	6,2
1997	30,0	3,0	6,8
1998	29,2	2,5	5,1
1999	26,7	2,4	5,0
2000	33,8	2,4	5,1
2001	32,4	2,3	5,1
2002	30,7	2,3	5,0
2003	32,4	2,3	4,9
2004	29,3	2,3	4,8

точнее всего определяются и оцениваются основной массой населения страны, они ближе всего к тому фактическому доходу, которым располагает большая часть населения. Эти нормативные показатели наиболее близки и понятны большинству опрошенных.

Подтверждение тому — соотношение количественных оценок доходов бедности, прожиточного минимума, нормального дохода и тех данных о фактическом текущем доходе семьи, которые респонденты сообщают в ходе интервью. Многолетние наблюдения показывают, что на уровне средних по выборке величин оценки бедности примерно соответствуют среднему текущему денежному доходу респондентов (заявленному в анкете), количественные оценки прожиточного минимума превышают фактический доход примерно в два с половиной — три раза. Представления о "нормальном" доходе примерно в пять раз выше среднего дохода респондентов. Если же сравнивать эти показатели на уровне отдельного респондента, то оказывается, что примерно 40% респондентов заявляют о том, что их текущие доходы ниже их собственных субъективных оценок уровня бедности, примерно 75% полагают, что они ниже прожиточного минимума, и примерно 95% — ниже нормального дохода. Таким образом, с одной стороны, даже показатель "нормального" дохода, не говоря уже о прожиточном минимуме и бедности, представлен в выборочной совокупности статистически значимым количеством респондентов, имеющих близкие по уровню доходы, т.е. основанное на собственном личном опыте мнение об этом уровне по-

требностей. С другой стороны, приведенные цифры подтверждают, что именно эти показатели актуальны для большинства населения, поскольку находятся, хочется верить, в зоне реально достижимого уровня благосостояния.

Эти же причины, по-видимому, обеспечивают также и слабые колебания соотношений представлений о прожиточном минимуме и бедности, "нормальном" доходе и бедности. Усредненные оценки плавно меняются от замера к замеру потому, что рассматриваемые оценки устойчиво сформированы на реальных представлениях и фактическом личном опыте. В этом смысле представления о богатстве для большинства населения, как очевидно, исключительно умозрительны. Количественные оценки уровня богатства во многом фантастичны, поскольку для большинства отражают попытку заглянуть за пределы обыденной, знакомой действительности, соответственно, эти оценки собственно и показываю, где этот предел¹. Фантастический, выдуманный характер количественных оценок богатства приводит к тому, что то и дело отдельные респонденты называют неожиданно большие цифры, которые приводят к случайным значительным изменениям средних показателей. Однако общая тенденция изменений все равно просматривается, поэтому, очевидно, правильно не исключать из рассмотрения подобные неожиданные и, казалось бы, логически неоправданные ответы.

Итак, судя по данным, приведенным в таблице 1, в последние годы постепенно сокращался разрыв между представлениями населения о прожиточном минимуме, "нормальном" доходе, с одной стороны, и бедностью — с другой (на уровне средних по выборке показателей). И происходило это за счет все более скромных представлений о первой группе показателей, а не за счет роста показателя, отражающего уровень бедности. Напомним, что, по мнению трех четвертей населения, прожиточный минимум — это вовсе не уровень физического выживания, а такой уровень дохода, который обеспечивает существование на минимально приемлемых социально сложившихся условиях, т.е. это тоже своего рода "нормальный" уровень, только его минимальная

¹ Оказывается, этот предел не так уж и далек: например, в ноябре 2004 г. в среднем по выборке уровень богатства оценивался в 84 тыс. руб. на члена семьи в месяц, т.е. примерно в пять раз больше дохода среднего москвича (если брать за основу данные Росстата РФ). Богатство — это все же не столь фантастическая цель: согласно данным Левада-Центра, примерно 20% населения полагают, что они могут разбогатеть (см. ежегодник "Общественное мнение 2004". С. 33).

граница. Поэтому неудивительно, что оба эти показателя, прожиточный минимум и нормальный доход, имеют очень близкую динамику. В данном случае лишь важно подчеркнуть, что в последние годы со всей очевидностью происходит процесс снижения потребностей населения, приближения запросов людей к минимальной границе выживания — к бедности, который не был остановлен годами экономического роста и повышения благосостояния населения. Несмотря на рост потребления, потребности, как видно, становились все скромнее. Соответственно, на фоне снижающихся потребностей фактический рост потребления субъективно оценивается особенно высоко.

Показатель соотношения количественных оценок богатства и бедности, который наиболее полно отражает весь спектр представлений населения о различиях в доходах и потреблении, по причинам, описанным выше, в рассматриваемый период имел гораздо менее устойчивую динамику. В 2004 г. разрыв в представлениях о богатстве и бедности вернулся на уровень 1997 г., а наибольшая его величина наблюдалась в 2000 г. Заметное падение показателя Б-Б в 1999 г. явилось непосредственным следствием кризиса 1998 г., приведшего к всплеску инфляции и заметному ухудшению уровня благосостояния. Соответственно, в кризисных условиях нормативные представления резко и на короткий срок поменялись, вернувшись затем к тенденции роста, сложившейся в середине 1990-х годов. Увеличение показателя Б-Б в 1990-е годы представляется вполне закономерным. Фактический стремительный рост дифференциации денежных доходов населения, который к середине 1990-х годов уже закончился, но его продолжающееся влияние на изменения субъективных представлений, на рост потребностей в ближайшие последующие годы кажется вполне ожидаемым. Однако в последние годы разрыв в представлениях о богатстве и бедности начал сокращаться, причем происходит это на фоне возобновившегося фактического роста дифференциации денежных доходов населения.

Можно предложить следующее объяснение описанной выше динамики соотношений субъективных представлений населения о нормативных уровнях доходов. Отмечаемое уже с середины 1990-х годов¹ сокращение разрыва между нормальным доходом и бедностью отражает про-

¹ Может быть, данный процесс начался и раньше, однако за предшествующие периоды данных о динамике всех рассматриваемых показателей нет.

цесс постепенного снижения уровня реальных запросов населения (в смысле "осуществимых" запросов, например, работающих как фактор формирования достигательской мотивации). В то же время продолжавшееся до начала нынешнего века увеличение разрыва между богатством и бедностью было не только остаточной реакцией на стремительный рост дифференциации денежных доходов. Это было связано также и с тем, что образ богатства еще имел реальное отражение в обыденной жизни (в том смысле, что богатые люди были на виду у остальных, не столь успешных, обыденная жизнь богатых в силу неструктурированности общества еще не была отделена от жизни всех остальных). Остальная часть общества, "не богатые", еще имели возможность количественно оценивать величину богатства исходя из пусть отрывочных, случайных, но все же личных впечатлений об образе жизни высокообеспеченных людей. В последние годы, судя по всему, процесс структуризации российского общества начал приобретать завершенные формы: семьи с различным уровнем материального достатка стали все заметнее отличаться друг от друга образом обыденной жизни, соответственно, стали меньше пересекаться с представителями других слоев населения. Границы между бедностью и богатством стали гораздо более четкими и труднопреодолимыми не только в том смысле, что у бедных мало возможностей для вертикальной мобильности, а, что важно для данного анализа, образ богатства перестал быть "осязаемым", вышел за пределы опыта повседневной жизни основной части общества. И тогда количественные оценки этого "предела", за которым начинается богатство, представления о богатстве стали формироваться в большей степени не из личных впечатлений о жизни "богатых", а на основе стандартов уже собственной жизни (для большинства — не только не богатой, а откровенно бедной), а также уходящих в прошлое воспоминаний. Соответственно, стало преобладать влияние снижающихся потребительских запросов, которое привело к уменьшению и этого наиболее общего показателя дифференциации представлений населения о нормативных уровнях доходов и потребления.

В заключение приведем свидетельство в пользу гипотезы об интенсифицировавшемся в последние годы процессе формирования различий в фактическом потреблении населения. Уровень потребления семей с заметно различающимся денежным доходом примерно одинаков. Причем это обстоятельство отмечается на протяжении уже многих лет, несмотря на значительный

уровень дифференциации денежных доходов населения. В последние годы, как представляется, начался процесс структурирования, дифференциации не только денежных доходов, но и потребления. Приобрел четкие, зримые очертания процесс формирования образов, стилей жизни семей с разным уровнем достатка.

Это хорошо видно по динамике показателя, отражающего уровень насыщенности домашних хозяйств предметами длительного пользования. Показатель представляет собой средний уровень числа предметов домашнего обихода, имеющихся в семье. В список входит десять предметов, позволяющих охарактеризовать качество домашней обстановки жилища, а именно: цветной телевизор, пылесос, видеомагнитофон, видеокамера, фотоаппарат, миксер, электродрель, микроволновая печь, морозильник, проигрыватель **CD**. Список товаров был специально сформирован таким образом, что простое увеличение числа предметов соответствует более высокому уровню благосостояния семьи. Собранные в данном списке товары являются своего рода товарами-представителями уровня и образа жизни семьи. С очень высокой степенью вероятности каждый раз известно, какой новый товар окажется в семье, если число товаров, имеющихся в семье, увеличится¹.

Уровень насыщенности российских домашних хозяйств товарами длительного пользования постепенно увеличивается, но остается довольно низким у основной части населения. В таблице 2 представлена динамика обобщенного показателя, характеризующего состояние имущества домохозяйств.

В последние два-три года, впервые за много лет, произошел заметный рост среднего уровня обеспеченности населения товарами длительного пользования, т.е. наглядно повысился уровень потребления. Но, что гораздо важнее, стали более заметными различия в потреблении семей с разным уровнем денежных доходов. В последние годы высокодоходные семьи² заметно улучшили качество своего жилища, в то время как в бедных семьях, которых большинство, мало что изменилось. Это как раз и есть наглядное свидетельство того, что сейчас все более осязуемо

¹ Подробно методика расчета этого показателя и результаты его применения при анализе дифференциации благосостояния российских семей изложены в статье: *Красильникова М., Бондаренко Н.* Имущественная дифференциация населения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2001. № 3. С. 29-38.

² В лучшем случае не более, чем верхняя треть, в распределении населения по уровню среднедушевого денежного дохода.

Таблица 2

ДИНАМИКА ИМУЩЕСТВЕННОГО НАКОПЛЕНИЯ

(среднее число предметов в семье по списку из десяти товаров длительного пользования)

Группы семей	1996 г.	1999 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.
<i>В среднем по всем семьям</i>	2,6	2,7	2,9	3,1	3,2
С низкими доходами (1-2 дециль)	2,1	2,0	1,9	2,2	2,2
Со средними доходами (3–6 дециль)	2,2	2,2	2,3	2,6	2,7
С высокими средними доходами (7-8 дециль)	2,9	3,0	3,3	3,5	3,8
С высокими доходами (9–10 дециль)	3,7	4,1	4,4	4,6	4,8

стали проявляться отличия в образе жизни семей с разным денежным достатком именно на уровне фактического потребления разных по уровню и качеству товаров и услуг.

В 2004 г. произошло заметное сокращение доли субъективно бедного населения. Согласно субъективным оценкам бедности, которые строятся как сопоставление ответов респондентов на вопрос: "Как Вы считает, ниже какого уровня дохода в среднем на человека, семью можно назвать бедной?" и фактических доходов опрашиваемой семьи, уровень бедности в 2004 г. снизился на 3 пп. и составил 37% российских семей. Это заметное снижение доли бедных произошло не только в результате преимущественного роста доходов относительно обеспеченной части общества. Представляется, что в значительной мере на снижение субъективных показателей бедности повлиял происходящий процесс снижения уровня запросов (соответственно, оценок

доходов, ниже которых начинается бедность), особенно у тех, кто до сих пор не смог в полной мере воспользоваться преимуществами ускоренного экономического роста в стране.

Таким образом, годы экономического роста и улучшения показателей благосостояния населения России привели не только к улучшению субъективных оценок материального положения людей. Сложившаяся благоприятная ситуация сопровождалась дальнейшим снижением запросов значительной части населения, являющимся следствием фактически низкого уровня жизни и отсутствием реальных механизмов вертикальной мобильности. Это последнее обстоятельство выражается в снижении уровня ожиданий положительных изменений обстоятельств личной жизни в ближайшем будущем, которое, в свою очередь, является одной из важных характеристик динамики общественных настроений в последний год.